

Научно-исследовательский
центр «Иннова»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов по материалам
I Международной научно-практической конференции,
31 мая 2023 года, г.-к. Анапа

Анапа
2023

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

A43

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С.В. к.э.н., профессор (Краснодар), **Дегтярев Г.В.** д.т.н., профессор (Краснодар), **Хилько Н.А.** д.э.н., доцент (Анапа), **Ожерельева Н.Р.** к.э.н., доцент (Анапа), **Сайда С.К.** к.т.н., доцент (Анапа), **Климов С.В.** к.п.н., доцент (Пермь), **Михайлов В.И.** к.ю.н., доцент (Москва).

A43 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 31 мая 2023 г.). – Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2023. - 30 с.

ISBN 978-5-95356-168-6

В настоящем издании представлены материалы I Международной научно-практической конференции «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА», состоявшейся 31 мая 2023 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки и практики, и применению результатов научных исследований. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в экономике.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-95356-168-6

© Коллектив авторов, 2023.
© Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Альтах Ксения Витальевна

Юрина Карина Дмитриевна..... 4

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ В АВТОСАЛОНАХ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Буцкая Кристина Сергеевна..... 10

ИЗНАЧАЛЬНАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

Южаков Юрий Валерьевич 16

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ

МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Захарова Анастасия Юрьевна 25

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Альтах Ксения Витальевна

Юрина Карина Дмитриевна

студенты

Научный руководитель: Маркелов Александр Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал ВГУЮ «Всероссийский государственный

университет юстиции», город Казань

***Аннотация.** Статья посвящена достаточно актуальной теме на сегодняшний день – проблеме использования видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе и пути их решения. В работе рассмотрены истоки зарождения видеоконференцсвязи в отечественном уголовном судопроизводстве. Авторами акцентируются внимание на положительные и отрицательные аспекты применения данной технологии и предлагаются различные варианты решения возникающих проблем.*

***Annotation.** The article is devoted to a rather relevant topic today - the problem of using videoconferencing in modern criminal proceedings and ways to solve them. The paper considers the origins of the emergence of videoconferencing in domestic criminal proceedings. The authors focus on the positive and negative aspects of the application of this technology and offer various options for solving emerging problems.*

***Ключевые слова:** видео-конференц-связь, судебный процесс, уголовное*

судопроизводство, стороны, цифровые технологии

Keywords: *video conferencing, litigation, criminal proceedings, parties, digital technologies*

Видео-конференц-связь (далее по тексту – ВКС) фактически используется российскими судами уже более 20 лет. Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 году изменило жизнь многих людей, так как многие учебные заведения, сфера труда, суды и другие государственные учреждения перешли на онлайн-платформы и продолжают развиваться и на сегодняшний день.

По мнению Маркелова А. Г. современные и традиционные уголовно-процессуальные формы постепенно меняются и наполняются цифровыми технологиями. Практика цифровизации действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ опирается, прежде всего, на возможности современной науки и техники, а также современного программного обеспечения, что позволило разработать в современную жизнь новые справочно-правовые системы [1].

Одним из интересных фактов является то, что первое слушание дел состоялось 19 апреля 2000 года в Верховном Суде Российской Федерации в режиме удаленного присутствия осужденных. Сеанс непрерывной связи между Верховным судом РФ и СИЗО-77/3 ГУИН по г. Москве длился около 3 часов. В этот день было рассмотрено целых три уголовных дела (на каждое дело уходило примерно час). За тот период времени система видеоконференцсвязи продемонстрировала успех, так как не было обрывов связи, проблем с качеством звука и изображения [2].

Несмотря на то, что ограничительных мер уже нет, связанных с коронавирусной инфекцией, многие граждане и государственные учреждения продолжают активно пользоваться онлайн-площадками.

Согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2022 год свыше 100 тысяч уголовных дел и материалов были рассмотрены с использованием видео-конференц-связи. Также, ВКС применялась непосредственно при рассмотрении 10 353 уголовных дел, 2 472 ходатайств об

избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей), более 82 тысяч материалов в порядке исполнения приговора. Кроме того, примерно в 134 тысячах судебных заседаниях велась видеозапись, а видео протоколирование осуществлялось при рассмотрении около 70 тысяч уголовных дел и материалов [3].

Необходимо отметить, что в начале 2023 года были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по поводу использования ВКС. Поправки были связаны с новыми положениями, регламентирующими порядок использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании, а также регламентированы особенности производства допроса и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи, а также порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве [4].

Несмотря на такую продолжительность применения видео-конференц-связи в уголовном процессе, как и любой медали имеются две очевидные стороны, мы называем их *преимущества и недостатки (выделено нами – авт.)*.

Положительные черты или стороны:

– мы проживаем в век информационных технологий, когда у каждого из нас есть мобильный телефон. Так, электронные документы можно подать через портал «Госуслуги», то есть не нужно куда-то идти, ехать, тратить свое время, а некоторые из них достаточно подписать простой электронной подписью;

– осуждённого не доставляют в судебное заседание, а он участвует по монитору и через микрофон ему передается вся информация непосредственно в ходе самого процесса.

Благодаря появлению статьи 241.1 в УПК РФ при подаче заявления о ходатайстве любой из сторон может быть проведено судебное заседание с использованием ВКС [5];

– не обязательно личное присутствие адвоката (представителя), что должен быть на самом судебном заседании. Это способствует экономии времени в суде и затрат (например, за перелеты, переезды), если заседание проходит в другом городе;

– повестки и уведомления могут направить через портал «Госуслуги», если лицо дало на это согласие и у него не ограничен доступ к Госуслугам из-за мер пресечения или наказания [6].

От плюсов данной системы хотелось бы перейти и к ее недостаткам, которые также имеют немалую значимость в уголовном судопроизводстве.

– Первой и наиболее важной проблемой использования ВКС в уголовном судопроизводстве будет являться надлежащее обеспечение тайны совещания подсудимого на общение со своим защитником. Также из этого вытекает вопрос об эффективной юридической помощи, которая оказывается доверителю [7].

Решение этой проблемы состоит в следующем: необходимо регламентировать процедуру использования помощи защитника при видео связи. Стоит ввести небольшой перерыв и дать возможность защитнику удалиться в совещательную комнату, где без посторонних лиц можно будет обсудить с подсудимым свою позицию. Из этого вытекает второе решение данной проблемы: необходимо обеспечить защитника личной, отдельной видео связью с подозреваемым.

– также возникает ряд вопросов, связанных с обеспечением качества судебного разбирательства и стандартов защиты прав подсудимых. К примеру, в статье 241.1 УПК РФ не раскрыты обстоятельства, исключающие возможность личного участия подсудимого в судебном заседании [8].

Решение суда не всегда может быть вызвано объективными причинами и может привести к произвольному принятию решений и порой ограничению прав подсудимого на непосредственное участие в судебном заседании. Следует внести поправки в статью 241.1 УПК РФ, а именно добавить ограниченный список обстоятельств, которые позволят понять, почему подсудимый не может участвовать в судебном заседании лично.

– при проведении видео-конференц-связи будет вставать вопрос об обоснованности судебного решения. То есть, при личном участии подсудимого в судебном заседании можно наблюдать его действия, реакции на те или иные высказывания, что, в какой-то степени, помогает судье сделать верное решение.

Для решения данной проблемы следует приглашать в зал судебного

заседания специалистов, которые способны через монитор распознать определенные психологические действия подсудимого, которые могут каким – либо образом повлиять на решение суда и сделать его более обоснованным.

Таким образом, можно прийти к выводу — внедрение современных технологий использования видео-конференц-связи в современное уголовное судопроизводство несомненное очевидно и необходимо. Но в любых технологиях такого характера существуют и свои недостатки, которые, при желании, возможно решить. Также, видеоконференцсвязь за последние годы стала неотъемлемой частью всего уголовного судопроизводства, и устранение пробелов в применении данной технологии поспособствует осуществлению уголовного судопроизводства в точном соответствии со стоящими перед ним целями и задачами.

Список литературы

1. Маркелов А. Г. Отдельные цифровые технологии в современном уголовном процессе России / Цифровые технологии и развитие права. Материалы российско-германской научной-практической конференции. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. - С. 32–39.

2. 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации/ Верховный Суд Российской Федерации URL: https://www.vsrfg.ru/press_center/news/28850/ (дата обращения: 29.05.2023).

3. В 2022 году более 100 тысяч уголовных дел и материалов были рассмотрены с помощью ВКС / РАПСИ URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230418/308839480.html (дата обращения: 29.05.2023).

4. С 9 января 2023 года расширены возможности использования систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве / Прокуратура Смоленской области URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_67/activity/legal-education/prokuror_rzyasnyaet2/explain?item=85400978 (дата обращения: 29.05.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ / СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Обзор: «Основные изменения в УПК РФ в 2022–2023 годах» / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/e3235b063a35ab816a2b28ed3379733d3b259aee/ (дата обращения: 29.05.2023).

7. Семенов А. В. Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты / Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – 25–33 с.

8. ВКС в уголовном процессе. Что изменилось? / Zabeyda & Partners URL: https://zabeyda.ru/inform_buro/analytics/tpost/14coues0v1-vks-v-ugolovnom-protse-ssechtoizmenilos (дата обращения: 30.05.2023).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 340

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ ПРОДАЖЕ АВТОМОБИЛЕЙ В АВТОСАЛОНАХ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Буцкая Кристина Сергеевна

студент

Научный руководитель: Филиппов Сергей Александрович,

доцент, к.ю.н.

ФГБОУ ВО «Саратовская Государственная Юридическая Академия»,

город Саратов

***Аннотация.** В статье рассмотрен аналитический аспект злоупотребления правом при продаже автомобилей в автосалонах, в частности рассмотрены различные виды злоупотребления по данному вопросу. Изучена судебная практика, и рассмотрены варианты применения правовых актов.*

***Ключевые слова:** злоупотребление, навязывание, дополнительное оборудование, обман автодилерами, продажа автомобиля.*

В настоящее время проблема злоупотребления автосалонами навязывания ненужного дополнительного оборудования, является крайне актуальной. Кроме того, автосалоны, пользуясь сложившейся ситуацией - дефицитом на автомобильном рынке, предлагают автомобили только в кредит или предлагают внести аванс до осмотра. Согласно статистическим данным, объем дополнительных опций при покупке автомобиля в среднем увеличился в 5 раз, достигнув 200–400 тысяч рублей на машину. В премиум-сегменте конечная цена может отличаться от рекомендованной розничной на 1–1,5 млн рублей. Клиенты идут на такие доплаты на фоне дефицита автомобилей, так как машину без «допоборудования» придется ждать несколько месяцев, за которые она подорожает. По оценкам

экспертов, клиенты в РФ переплачивают не менее 61 млрд рублей ежегодно только у официальных дилеров.

Стоит отметить, что российское законодательство не предполагает отдельной нормы, которая предусматривает административную ответственность за навязывание автомобильными дилерами потребителям дополнительных товаров и услуг. Однако, Управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучию человека отсылает автомобилистов к статье 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 №2300-1 и статье 19 Конституции Российской Федерации, в которых установлено, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей, признаются недействительными, убытки, причиненные потребителю вследствие нарушения его права на свободный выбор товаров (работ, услуг), возмещаются продавцом (исполнителем) в полном объеме, а также, что продавец (исполнитель) не вправе без согласия потребителя выполнять дополнительные работы, услуги за плату.

Чтобы избавить клиентов от навязывания финансовых или страховых услуг были внесены изменения в Закон «О потребительском кредите» №327-ФЗ, №328-ФЗ, №329-ФЗ, где предусмотрели так называемый «период охлаждения», то есть клиент вправе отказаться от дополнительной страховой услуги в течении 14 календарных дней с того дня, когда выразил согласие на её оказание.

Депутат от КПрФ Олег Лебедев выступил с предложением запретить дилерам продавать автомобили дороже рекомендованной производителем розничной цены (РРЦ). Проект поправок в закон «О торговле» (381-ФЗ) с таким содержанием был внесен в Госдуму 17 февраля 2023 года и на данный момент находится на рассмотрении. Автор также выступил за то, чтобы запретить дилерам устанавливать на автомобиль дополнительное оборудование до его продажи покупателю. Таким образом, по его мнению, салоны навязывают клиентам необязательные опции.

Поводом к внесению законопроекта в Государственную думу стали

многочисленные заявления обманутых покупателей. Так, между потребителем и автосалоном ООО «ЕВРО-ТРЕЙД» был заключен кредитный договор на приобретение автомобиля, но под видом страховых услуг, менеджер автосалона подключил потребителя к договору об оказании ассистанских услуг от ООО «ВСЕ ЭВАКУАТОРЫ», после чего с кредитного счета были списаны 90 000 рублей. При этом договора ООО «ВСЕ ЭВАКУАТОРЫ» с потребителем подписано не было, условия оказания ассистанских услуг перед оформлением не озвучили, а просто выдали номерной сертификат «Премиум». Когда потребитель обратился в ООО «ВСЕ ЭВАКУАТОРЫ» с заявлением о возврате денег за сертификат в связи с отсутствием необходимости получения услуг, компания ответила, что не получала от автосалона оплату за карту помощи на дороге, а сертификат с таким номером выдан другому лицу. На письменную претензию об отказе от навязанной услуги и возврате денежных средств ООО «ЕВРО-ТРЕЙД» не ответило, что побудило его обратиться в суд.

Судом требования потребителя были обоснованы и поддержаны со ссылкой на статью 29 Закона РФ «О защите прав потребителей», в соответствии с которой потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуги, которая ему не была оказана, и потребовать полного возмещения убытков.

Решением суда города Москвы, с учетом позиции территориального отдела Управления Роспотребнадзора по г. Москве, присуждено к взысканию с ООО «ЕВРО-ТРЕЙД» в пользу потребителя 130 000 рублей, в том числе суммы, уплаченной за навязанную услугу, неустойки, штрафа и компенсации морального вреда.

Обратившись к практике, можно заметить частое навязывание услуги «Помощь на дорогах». Так, Вишневенко С. В. заключила договор купли-продажи с ООО «Нижегородец Восток» и приобрела автомобиль частично за счёт потребительского кредита. При заключении Договора об открытии кредитной линии её была навязана услуга «Комплексная помощь» («Помощь на дорогах») с ООО «ГК Эй Эс Джи» сроком на 36 месяцев и сервисную карту, предоставляющую

право на оказание ряда услуг на сумму 240000 рублей.

Вишневенко С. В., руководствуясь ст. 32 ФЗ «О защите прав потребителей» написала заявление о расторжении договора и возврате средств на сумму 240000 рублей, но организация вернула сумму лишь в размере 12000 рублей.

В судебном заседании суд решил иск Вишневенко С. В. удовлетворить. Признать недействительным пункт 8.8 Договора добровольного коллективного участия, согласно которому в случае отказа участника от участия в программе, ему возвращается 5% от суммы добровольного взноса, Данный пункт ущемляет права потребителя в силу п. 1 ст. 16 ФЗ «О защите прав потребителей». Также взыскать с ООО «ГК Эй Эс Джи» сумму в размере 228000 рублей, компенсацию морального вреда, штраф и расходы на представителя.

Можем отметить, что пик навязывания дополнительного оснащения пройден, подобными методами в 95% случаев «промышляют» «серые» дилеры, которые заполучив автомобиль по выгодно низкой цене, хотят удвоить, а иногда и утроить свою прибыль. У части официальных автосалонов сохранится предложение покупателю чрезмерно дорогих кредитов.

Учитывая изложенное, считаем, что упомянутый выше законопроект обеспечит укрепление норм ФЗ «О защите прав потребителей» в части запрета ограничения приобретения одних товаров обязательным приобретением иных товаров. При этом предложено установить запрет на продажу дилерами новых автомобилей выше цен, рекомендованных производителем, а также на установку дополнительного оборудования на еще не реализованные конечному потребителю транспортные средства.

Принятие законопроекта обеспечит не только соблюдение прав граждан, приобретающих новые автомобили, но также переведет конкурентную борьбу участников розничного рынка транспортных средств в плоскость развития качества обслуживания.

Список литературы

1. Никитина О. Машина без коврика — деньги на ветер / Газета

«Коммерсантъ» №156 от 01.09.2021, стр. 7.

2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» Ст. 16.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Ст. 19.

4. Навязывание дополнительных товаров и услуг автосалонами / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пермскому краю: [сайт]. — URL: https://59.rospotreb nadzor.ru/bytag3/-/asset_publisher/5Wso/content/навязывание-дополнительных-товаров-и-услуг-автосалонами (дата обращения: 18.04.2023).

5. Указание Банка России от 21.08.2017 № 4500-У «О внесении изменения в пункт 1 Указания Банка России от 20 ноября 2015 года № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.09.2017 № 48112).

6. Законопроект № 298478–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (об установлении требований к автомобильным дилерам) / [Электронный ресурс] / Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/298478-8> (дата обращения: 24.04.2023).

7. Суд обязал автосалон ООО «ЕВРО-ТРЕЙД» за навязанную услугу при продаже автомобиля выплатить потребителю 130 000 рублей / [Электронный ресурс] / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве: [сайт]. — URL: <https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/11357-sud-obyazal-avtosalon-ooo-evro-trejd-za-navyazannuyu-uslugu-pri-prodazhe-avtomobilya-vyplatit-potrebiteleyu-130-000-rublej> (дата обращения: 29.04.2023).

8. Решение № 2–353/2019 от 17 декабря 2019 г. по делу № 2-270/2019~М-

232/2019 / Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vEYzUwo3klZt/> (дата обращения: 21.05.2023).

УДК 340.5

**ИЗНАЧАЛЬНАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА****Южаков Юрий Валерьевич**

студент бакалавриата

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,

город Санкт-Петербург

Аннотация. Данная статья раскрывает подход стран общего права к случаям, когда уже при заключении договора осуществление исполнения по нему невозможно, приводятся основные прецеденты по данному вопросу, а также делаются выводы относительно особенностей и различий выработанных подходов в сравнении с доктриной и законодательством стран континентальных правовых порядков.

This article reveals the approach of common law countries to cases when performance of obligation is impossible at the conclusion of the contract, gives the main precedents on this issue, and drawn conclusions regarding the features and differences of the developed approaches in comparison with the doctrine and legislation of the countries of continental legal systems.

Ключевые слова: сравнительное право, договорное право, страны общего права, изначальная невозможность исполнения обязательства

Keywords: comparative law, contract law, common law countries, the initial impossibility of performance

Введение

Доктрина невозможности исполнения обязательства в целом, и первоначальной невозможности исполнения обязательства в частности является неотъемлемой частью практически всех гражданских кодификаций стран

континентально – правовых систем [1, с. 653]. Наиболее полное доктринальное осмысление и эволюцию данная доктрина прошла в гражданском праве Германии. Так изначально, находясь под влиянием искажённого понимания римских источников, немецкие пандектисты пришли к выводу, что при изначальной невозможности исполнения обязательства договор является ничтожным. Данный подход, нашедший своё закрепление и в параграфе 306 ГГУ, практически сразу же подвергся критике [2, с.1869]. Как итог, в результате реформы обязательственного права в начале 2000 ых годов данное положение было убрано, а в ГГУ появилась прямо противоположная норма параграфа 311 а, закрепившее действительность договоров, исполнение которых изначально невозможно [3, с.62-63].

В странах же common law доктрина изначальной невозможности исполнения обязательства в том виде, в каком она существует в странах континентального права, по понятным причинам отсутствует. Однако это не означает, что в прецедентной практике судов стран англо – саксонской правовой семьи не встречаются казусы, в которых обязательство является изначальным невозможным для исполнения. Поэтому целью настоящей работы является раскрытие тех подходов, которые были выработаны в данных правопорядках для решения подобных казусов, а также сравнение данных подходов с развитием доктрины в странах континентального права.

Доктрина common mistake и первоначальная невозможность исполнения обязательства.

Случаи, которые мы бы отнесли бы к изначальной невозможности исполнения обязательства, регулируются в правопорядках таких стран с помощью доктрины common mistake [4, с. 739]. Удивительно, что именно в контексте данной доктрины юристы из стран общего права и даже судьи ссылаются на положения римского права и в том числе на учение о error in substantia [5, с. 289], вопреки расхожему мнению, что римское право никаким образом не влияло на правовую систему стран англо-саксонской правовой семьи.

Раскрытие подхода стран англо-саксонской правовой семьи к проблеме

изначальной невозможности исполнения обязательства нужно начать с определения того, что мы называем общей для сторон ошибкой, какие виды ошибок английское право выделяет ещё, и как эти положения можно соотнести с положениями о пороке воли в странах континентального правопорядка.

Для континентальных юристов довольно свойственно утверждать, что сделка состоит из воли и волеизъявления. Соответственно, раз мы нашли две составляющих юридического акта - сделки, мы можем сказать, что ошибка может относиться либо к первому, либо ко второму её элементу. Либо неправильно формируется сама воля лица, что К. Ф. фон Савиньи называл «неподлинной» ошибкой, либо к волеизъявлению, что в свою очередь будет «подлинной» ошибкой [6, с.40].

Английский же правопорядок долгое время вообще не признавал какое-либо влияние ошибки на правоотношения сторон за пределами доктрины *misrepresentation*, строго стоя на позициях защиты оборота и доверия, вызванного поведением заблуждавшейся стороны. И только к концу 19 века с проникновением в Англию наработок континентальной доктрины, институт *mistake* получает импульс к развитию [7, с.181].

Говоря же об особенностях *common mistake*, нужно понимать, что правопорядки англо-саксонской правовой семьи берут за основу совершенно другой критерий, чем был отражён в учении Савиньи.

Так, при заключении договора стороны опираются на совокупность внешних факторов, существующих на момент заключения договора, которые дают основания для оценки того или иного договора как нужного или ненужного, выгодного или невыгодного. И на основании этих факторов сторона принимает решение относительно того, вступать ли в конкретные правоотношения или нет. Но представление о фактическом положении дел в конкретный момент времени может отличаться, иногда и существенно, от того, что представляет себе сторона или стороны. Но чья воля формируется неправильно? Говоря иначе, какая именно из сторон учитывает или пытается учесть эти факторы при формировании договора?

Первый вариант: только одна из сторон. В таком случае второй стороне нет дела до того, опираясь на какие знания другая, заблуждающаяся сторона совершает волеизъявление. Например, если заблуждающаяся сторона считает по какой-то причине, не относящейся к заявлениям продавца, продаваемую им картину работой одного известного художника, а сам продавец прекрасно знает, что это картина другого художника, хоть и не замечает заблуждения на стороне покупателя. В данном случае в заблуждении относительно фактов реальной действительности находится только покупатель, когда как воля продавца совершенно свободна.

Второй вариант: обе стороны ошибаются относительно волеизъявления другой стороны, т. е. их воля опирается на разные сведения, которые могут быть как достоверными, так и нет. Например, известное дело *Raffles v. Wickelhaus* 1864 года, в котором контрагенты при заключении договора выразили волю продать и соответственно купить хлопок с корабля под названием «Peerless», но в действительности имели два разных корабля, что привело к констатации незаключённости договора в результате отсутствия консенсуса, т. е. совпадения воли сторон.

И третий вариант: стороны могут при заключении договора опираться на один факт, важный для обеих сторон, но как итог данный факт не будет соответствовать реальной действительности, о чём стороны не знали.

В отличие от односторонней ошибки в данном случае волеизъявление сторон абсолютно совпадает - продавец хочет продать картину известного художника, а второй приобрести. Но в то же время воля обоих субъектов подвержена влиянию неверных сведений об этой картине. Данные ошибки называются соответственно односторонней (*unilateral mistake*), обоюдной (*mutual mistake*), и последняя - общая для сторон ошибка - *common mistake*.

Именно последняя и имеет большую связь с вопросом изначальной невозможностью исполнения обязательства, поскольку при заключении договора, который изначально невозможно исполнить, обе стороны исходят из обратного. Самый простой пример - не знают, что конкретная вещь, которая является

объектом договора, в момент заключения договора либо уже не существует, либо никогда не существовала вообще [8, с.133].

По мере развития прецедентного права Англии появлялись соответствующие судебные решения и различные подходы, значение и вектор развитие которых и привели к формированию современной доктрины *common mistake*. Хотя чётко разделить данные подходы, обозначенные ниже, нельзя и в конкретных прецедентах они могут использоваться вместе [9, с.655].

Говоря про первый этап, то его можно условно назвать *total failure of consideration*. Он представляется вполне естественным и для юристов романо-германской правовой семьи, поскольку английская *consideration*, которая является признаком английского *contract*, в достаточной степени похожа на континентальное понятие синаллагмы - т.е. взаимообусловленности встречных предоставлений в двустороннем договоре. Разрыв такой синаллагмы, как и разрыв *consideration*, приводит если к не автоматическому уничтожению договора, то по крайней мере является основанием для истребования того, что было уже получено по договору в качестве исполнения или отказа от такого предоставления, если оно ещё не было совершено. А если *consideration* в силу невозможности исполнения не существовала с самого начала, то и нет *contract*. Под влиянием континентальной доктрины в 1893 году был создан *Sale of Goods Act 1893*, который содержал в себе положение, согласно которому если товар погиб к моменту заключения договора - договор считается недействительным [9, с.658]. Но это не значит, что Англия переняла опыт стран романо-германской правовой семьи. В силу особенностей английского права статутные акты хотя и являются источником права, но судебная практика в любом случае толкует их, прежде всего опираясь на прецеденты, которые так или иначе всё равно играют ведущую роль в развитии правовой системы. Собственно говоря, положения указанного выше статута так же толковались исходя из того, что при изначальной невозможности исполнения обязательства изначально отсутствует *consideration*, а значит и нет *contract*, что не совсем аналогично ничтожности договора в странах континентального права. Говоря в общем, стоит заметить, что важный вопрос о том, какое

влияние всё-таки имеет изначальная невозможность исполнения на договор, на всём протяжении девятнадцатого века и в начале двадцатого считался в судебной практике достаточно неопределённым [9, с.670].

Обособленная и самостоятельная доктрина *common mistake* появилась позднее и описывается содержанием нескольких важных прецедентов, принятых уже в 20 и 21 веке. Первым из них называют решение по делу *Bell v Lever Bros* - в нём судьёй Лордом Аткином была сформирована доктрина подразумеваемого условия договора о том, что он связывает стороны только при условии достоверности фактов, на которые стороны опираются при заключении договора. Но данная доктрина была довольно спорной [5, с.763] и не имела поддержки большинства в судебном сообществе. Поэтому актуальная прецедентная практика пошла по иному пути, что выразилось в решении одного из самых актуальных и важных прецедентов в сфере *common mistake* - *Great Peace Shipping Ltd v Tsavliris Salvage (International) Ltd (The Great Peace)* 2002 года. Данный прецедент сформировал несколько требований к тому, чтобы договор был признан недействительным на основании *common mistake* 1) стороны договора при его заключении должны опираться на один и тот же факт, который не соответствует действительности 2) ни одна сторона не взяла на себя гарантию и, соответственно, риск того, что факт, который лёг в основу заключения договора является действительным 3) недостоверность такого факта не должна быть связана с виной одной из сторон и ни одна из сторон не должна находиться в явно более удобной позиции для того, чтобы знать реальное положение дел 4) недействительность факта должна делать исполнение договора невозможным 5) такая невозможность исполнения должна быть существенной для договорного отношения. Таким образом, в данном прецеденте была сформирована инструкция по применению доктрины *common mistake*.

Самым интересным критерием в рамках данной работы кажется вопрос об имплицитно данной гарантии, что обязательство возможно исполнить, как об одном из оснований возложения на должника обязанности возмещения убытков кредитору. Важным прецедентом по данному вопросу, который напрямую

относится к изначальной невозможности исполнения обязательства и может служить своеобразным модельным кейсом, является решение по делу *McRae v Commonwealth Disposals Commission*. Кратко, его фабула состоит в том, что некие братья купили у уполномоченного государственного органа право достать со дна моря затонувший танкер, в котором предположительно находилось ещё и нефть, с целью перепродать обломки и заработать. Но, как оказалось, в том месте, на которое указал уполномоченный орган, никакого танкера нет и не было. Соответственно, братья захотели возместить убытки, которые они понесли в результате ненадлежащего исполнения договора другой стороной, т. е. получить упущенную выгоду, которую они потеряли в связи с отсутствием танкера. Государственный же орган ссылаясь на то, что тут нет нарушения обязательства, поскольку договор ничтожен в силу отсутствия объекта обязательства и *common mistake* обеих сторон по поводу факта его отсутствия.

Верховный суд Австралии встал на сторону истцов, проведя так называемый *distinguishing* относительно другого известного прецедента - *Courturier v Nastie*, на который ссылаясь ответчик. Так, в данном случае суд усмотрел отличия в фактах - в частности, государственный орган, который заключил договор, по всей видимости не имел достаточно проверенной информации по поводу наличия в нужном месте затонувшего танкера и поскольку он не мог быть в достаточной степени в его существовании, он, заключая договор, взял имплицитно на себя риск того, что в итоге предмет обязательства не будет существовать и он, приняв на себя риск, готов возместить убытки за неисполнение договора. На основании этого суд, возложив на должника такую подразумеваемую гарантию, констатировал действительность договора и обязал должника выплатить другой стороне убытки.

Как кажется, данный прецедент демонстрирует простую истину - если сторона не уверена в возможности исполнения обязательства, то она должна на себя рискнуть, если такая невозможность всё же будет существовать в момент заключения договора.

Заключение

Практика, выработанная в прецедентном праве Великобритании, на первый взгляд не имеет ничего общего опытом стран континентальных правовых систем. Однако такое впечатление будет ошибочным. Так, в самой Германии, где изначально в ГГУ прямо была закреплена норма о том, что договор при изначально невозможности исполнения обязательства ничтожен, данную норму как раз пытались ограничивать через идею имплицитной гарантии, ведь любое лицо, вступающее договор, как бы даёт своему контрагенту гарантию того, что обязательство, взятое этой стороной, в принципе возможно исполнить. Сами немецкие авторы отмечали, что практика судов Великобритании в этом вопросе является хорошим примером, поскольку именно в ней наиболее ярко отражена идея необходимости толкования договора, что в большинстве случаев помогает найти удовлетворительное решение путём возложения на одну из сторон риска изначально невозможности осуществления предоставления по договору [10, 696–697].

Данный подход может быть полезен и для отечественного правопорядка, поскольку в нашем Гражданском кодексе в принципе отсутствует какое-либо регулирование данного вопроса. Так, вполне разумным выглядит констатация того, что должник, особенно если он является предпринимателем, имплицитно при заключении договора предоставляет заверение о том, что исполнение такого договора с его стороны возможно. Конструкция заверения об обстоятельствах, закреплённая в статье 406.1 ГК РФ, представляется вполне применимой и позволяет достичь главной цели – защиты позитивного договорного интереса должника, что невозможно при ничтожности договора.

Список литературы

1. Jansen N., Zimmermann R. (ed.). Commentaries on European contract laws. – Oxford University Press, 2018. – p. 2218
2. Канторович Я. А. «Невозможность» исполнения обязательств /Право. Еженедельная юрид. газ. Пг. – 1916. – №. 36. – С. 1865–1906
3. R. Zimmetmann, The New German Law of Obligations: Historical and

Comparative Perspectives. - Oxford University Press, 2006 – p. 285

4. Youngs R. English, French & German Comparative Law. 3rd ed. – Routledge, 2014. – p. 701

5. G.H. Traitel. The law of contract. 11th ed. - Sweet & Maxwell, 2003 - p. 1200

6. Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки / А. Ю. Зезекало. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 198 с.

7. Kotz H. European Contract Law, 2nded. translated by Gill Mertens and Tony Weir. - Oxford University press, 2017. – p. 360

8. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том. 2. - М: Междунар. Отношения, 1998 – p. 991

9. Beale, H. G.; Chitty, Joseph et al., Chitty on Contracts, 31sted. - Sweet & Maxwell, London, 2016 – p. 2851

10. R. Zimmermann, The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Wolters Kluwer. 1992- p.1301

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.553

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Захарова Анастасия Юрьевна

студент

Научный руководитель: Боева Галина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет
«МИФИ», город Димитровград

***Аннотация.** В статье изучено понятие организационных основ местного самоуправления, в частности рассмотрены различные точки зрения авторов по данному вопросу.*

In the article the concept of organizational foundations of local self-government is studied, in particular, different points of view of the authors on this issue are considered.

***Ключевые слова:** местное самоуправление, основы местного самоуправления, понятие организационных основ местного самоуправления*

***Keywords:** local self-government, foundations of local self-government, the concept of organizational foundations of local self-government*

Термин «основы местного самоуправления» является сравнительно новым для российского государства.

Под основами местного самоуправления понимается совокупность правовых, территориальных, организационных и финансово-экономических основ, обеспечивающих реальное и эффективное местное самоуправление. Основы местного самоуправления также направлены на обеспечение самостоятельности

в решении населением вопросов местного значения, независимости и невмешательства со стороны органов государственной власти, создание условий для эффективного решения вопросов местного значения.

Действующим Федеральным законом от 06.10.2002 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) установлены следующие основы местного самоуправления [1]:

- 1) правовая основа местного самоуправления;
- 2) территориальная основа местного самоуправления;
- 3) экономическая основа местного самоуправления;
- 4) организационная основа местного самоуправления.

Законодатель не выделил организационные основы местного самоуправления в отдельную главу и не закрепил данное понятие в законе. Однако указанное понятие рассматривается в научной литературе в нескольких значениях [4, с. 352–353].

Во-первых, в узком смысле. В этом смысле «организационные основы местного самоуправления» традиционно связывают с правовым регулированием построения структуры органов местного самоуправления. К примеру, к организационным основам будет относиться правовое положение, согласно которому структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования.

Указанной точки зрения придерживается Тропина Д. В., которая дает следующее определение организационным основам местного самоуправления: «это совокупность органов местного самоуправления, через которые население муниципальных образований решает вопросы местного значения» [5, с. 87].

Таким образом, правовое регулирование структуры органов местного самоуправления воспринимается в качестве организационных основ местного самоуправления.

Второе значение организационных основ также можно назвать узким. В этом смысле организационные основы представляют собой определенную модель формирования (структуры) органов местного самоуправления. Например, Быкова А. Г., взяв в качестве критерия классификации организационной модели местного самоуправления порядок формирования представительного органа муниципального образования, способ избрания главы муниципального образования и его статус председателя представительного органа муниципального образования и (или) главы местной администрации, выделяет 17 организационных моделей местного самоуправления [2, с. 40].

Таким образом, организационные основы представляют собой набор идей вытекающих из системного толкования норм, посвященных способам формирования органов местного самоуправления.

В-третьих, в широком смысле. В этом смысле «организационные основы местного самоуправления» будут включать в себя правовое регулирование форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, к которым будут относиться местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан и другие, а также формирование и функционирование органов и должностных лиц местного самоуправления.

К указанной точке зрения можно отнести определение Шугриной Е. С., которая под организационными основами местного самоуправления понимает «совокупность норм, регулирующих реализацию права граждан на местное самоуправление через формы непосредственного народовластия, органы местного самоуправления и иные выборные органы» [6, с. 37].

Однако можно выделить и четвертый подход к пониманию организационных основ местного самоуправления. Данный подход говорит о том, что в понятие «организационных основ местного самоуправления» закладываются не только правовое регулирование органов местного самоуправления и формы непосредственной демократии, но и правовые гарантии местного самоуправления, правовые основы местного самоуправления, правовое регулирование

муниципальной службы, правовое регулирование ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления и многое другое.

К четвертому подходу можно отнести мнение Кутафина О. Е. и Фадеева В. И., которые дают следующее определение организационным основам местного самоуправления: «это совокупность муниципально-правовых норм, закрепляющих структуру органов местного самоуправления, порядок, формы и принципы деятельности, а также регулирующих организацию муниципальной службы» [3, с. 320].

Таким образом, в научной литературе существует несколько подходов к определению организационных основ местного самоуправления. Рассмотренные точки зрения можно свести к тому, что организационные основы местного самоуправления, в первую очередь, включают в себя правовое регулирование органов местного самоуправления, порядок их формирования и функционирования. Правовое регулирование осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и местном, что обусловлено самостоятельностью населения при решении вопросов местного значения. Указанные вопросы, в первую очередь, решаются именно через органы местного самоуправления, которые составляют основу местного самоуправления.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] / СЗ РФ. – 06.10.2003. – № 40. – ст. 3822.
2. Быкова, А. Г. Организационная модель формирования органов и должностных лиц муниципальных образований [Текст] / А. Г. Быкова / Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 40–44.
3. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. [Текст] / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 672 с.
4. Русаков, М. И. Понятие организационных основ местного

самоуправления в России и его современное конституционное регулирование [Текст] / М. И. Русаков, В. В. Цветков / Юридическая техника. 2022. № 16. С. 351–355.

5. Тропина, Д. В. Муниципальное право России: учебное пособие [Текст] / Д. В. Тропина, Т. С. Лебедева – Москва: Мегapolis, 2021. – 157 с.

6. Шугрина, Е. С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. [Текст] / Е. С. Шугрина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 672 с.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

I Международная научно-практическая конференция

Научное издание

Издательство ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(Подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, офис 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 31.05.2023 г. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,74
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 497